

Елена Казакова —

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом),
младший научный сотрудник, МА.
elena.mail.kazakova@gmail.com

Магия И ТЕХНОЛОГИЯ: ПРОИЗВОДСТВО ТКАНЕЙ В раннесоветской научно-популярной литературе для детей

Аннотация

Статья посвящена анализу раннесоветской научно-популярной литературы для детей, описывающей производство тканей из растительного сырья — льна, конопли, хлопка. Материал ограничен 1920–1932 годами и рассматривается в контексте просветительского проекта, ориентированного на формирование научно-рационалистского мировоззрения у детской читательской аудитории. В центре внимания — взаимодействие двух способов репрезентации производственных процессов: «технологического»

и «магического» модусов. Первый связан с рациональным описанием технологических операций, терминологической точностью и индустриальной оптикой, в которой растения осмысляются как ресурс. Второй опирается на фольклорные модели, метафоры путешествия, жизнеописания и перерождения, одушевление растений и символизацию труда. Показано, что эти модусы не образуют жесткой бинарной оппозиции, а сосуществуют, создавая гибридный дискурс, в котором индустриальная современность осваивается через культурные коды традиции. Технологические этапы обработки сырья интерпретируются как страдание и преобразование, а фабрика предстает пространством «производственной магии». Таким образом, научно-популярные тексты выступают медиаторами между мифологическим и рационалистским мышлением, интегрируя элементы аграрной символики в описание машинного производства и формируя у читателя «предметную оптику» восприятия вещей.

Ключевые слова: раннесоветская детская литература; научно-популярная литература; производство тканей; традиционная и индустриальная культуры; фольклорные топосы в литературе.

Из чего сделана твоя одежда?

Из плодов одного растения и стеблей другого.

Из овечьих волос и бычьей шкуры.

Из личинок гусеницы или, может быть, из обыкновенной елки.

Из сока растения, а может быть, из картошки.

Да еще, пожалуй, из молока.

Вероятно, тебе не отгадать, что сделано из молока, что из картошки.

А отгадка — в книжке.

Ивич А. Твое утро. 1957

Советский нон-фикшен

Научно-популярная литература по самым разным областям знания и технологий стала важной частью советского просветительского проекта. Ее главной целевой аудиторией были дети — самые восприимчивые и непредубежденные члены общества, но предполагалось также, что она будет полезна всем малообразованным читателям. Книги об устройстве телефона, строительстве гидроэлектростанции, выращивании телят и изготовлении телескопа из подручных средств призваны

были вытеснить религиозно-мифологические представления о мире и внедрить научно-рационалистское его восприятие. Попутно с этим такие книги более или менее явно индоктринировали юную — по преимуществу — аудиторию, транслируя идеи необходимости труда ради общественной пользы, приучая рассматривать мир как ресурс для извлечения благ, изображая человека как могущественного актора, преобразующего действительность.

Наибольшую известность — и исследовательское внимание — получила конструктивистская производственная книга 1920-х годов, в которой равно значимые текст и иллюстрации рассказывали об устройстве вещей и процессов в окружающем человека новом индустриальном мире. Однако помимо этой «верхушки айсберга» издавался большой поток книг, исключительно разнообразный по тематике и жанровому репертуару. Получить представление о масштабе этого явления можно, ознакомившись с важнейшей литературной летописью детской книги — библиографическим указателем И. И. Старцева (Старцев 1933), который и для нас послужил источником сведений. Продолжая метафору, отметим, что в этом «теле айсберга» можно найти научно-популярные книги буквально по любой тематике и написанные как строгим, почти научным языком, так и беллетризованные, стихи и книжки-картинки, руководства, памятки и прочее. Все это в полной мере относится к книгам о производстве материалов из растительного сырья, о которых пойдет речь в этой статье. Хронологически мы ограничили материал 1932 годом, концом первой советской пятилетки (этим же годом завершается и первый том указателя Старцева). Исключение было сделано лишь для источника эпитафия — книга Ивича издана значительно позднее — в 1957 году.

На содержательном уровне все книги описывают технологические процессы получения природного сырья и его переработки. Сведения о растительном и животном сырье почти всегда соседствуют, объединенные идеей о «живом» происхождении тканей и материалов. Однако мы сфокусируемся здесь только на растениях. Значительная часть доступных нам книг посвящена льну, конопле и хлопку — это материалы повседневности, из которых сделана самая обычная и привычная одежда, предметы обихода, интерьерный текстиль. Лен и конопля позиционируются как растения «домашние» — знакомые жителям средней полосы России («Как рубашка в поле выросла», «Лен», «Конопелька-конопель»), хлопок же подробно описывают как «знакомого незнакомца» — несмотря на повсеместное использование ситца, хлопчатник и особенности переработки требуют подробных объяснений («Хлопок», «Как хлопок ситцем стал», «Под солнцем

пустыни»). Настоящей же экзотикой выглядит сок гевеи, из которого делают галоши («От каучука до галоши», «Завод изобретатель»). Суть всех этих книг сконцентрирована в декларативном и емком названии книги Н. Смирнова «Что из чего», рассказывающей, из каких материалов сделаны разные предметы одежды и их детали.

Как устроены эти тексты?

Несмотря на тематическую общность, формальные характеристики этих текстов очень вариативны. Для описания и анализа этих текстов мы будем пользоваться понятиями «технологический модус» и «магический модус».

Под технологическим модусом мы будем понимать такую совокупность характеристик текста, такой способ изложения сведений, который делает этот текст частью научно-рационалистского дискурса индустриальной культуры, где растения рассматриваются как один из ресурсов, которые нужно эффективно использовать.

Примерами текстов, в которых доминирует технологический модус, могут стать такие описания этапов производства:

«Перед тем, как надеть моток на фигурку, работница, по возможности, расправляет и распрямляет его так, чтобы при размотке нити не зацеплялись одна за другую и при этом не рвались. Когда моток расправлен и надет на фигурку, работница отыскивает конец нити и заправляет его на катушку. Заправка состоит в том, что нить пропускается через так называемый очистительный валик, водок или иначе нитеводитель и конец ее закрепляется на катушке» (Модестова 1927: 32).

«После того, как очистили от льна дорожки между делянками, приступили к тереблению льна на самих делянках. После теребления взвешивали лен с каждой делянки по отдельности и расстилали лен по всей делянке для просушки, чтобы стебли окрепли» (Манохин 1931: 37).

Магическим модусом мы будем обозначать литературные приемы, происходящие из фольклорных текстов, апеллирующие к традиционной культуре, в которой картина мира мифологизирована, растения одушевляются, а процесс производства метафоризируется. Технологический модус «называет вещи своими именами», а потому прямолинеен, однозначен и лишен поля интерпретаций. Магический модус, напротив, более многолик и более вариативен, благодаря метафорам, порождающим полисемантические конструкции. Важным маркером служит и характер иллюстраций — технологический модус,

как правило, сопровождается схемами, техническим рисунком, документальной фотографией, в то время как магический модус — художественными изображениями (ил. 1, 2, 3, 4 и другие иллюстрации см. во вкладке 2). Впрочем, это правило не универсально.

Может показаться, что эти модусы являются бинарной оппозицией и взаимоисключают друг друга, однако это не так. Они скорее взаимодействуют и переплетаются, продуцируя формально-стилистическое многообразие научно-популярных текстов.

Мы рассмотрим более подробно три универсальных «магических топоса», характерных для нон-фикшен литературы производственной тематики: путешествие, жизнеописание, перерождение.

Путешествие: географическое и символическое

Одна из метафор для обозначения технологического процесса — путешествие. Это может быть путешествие в прямом смысле — перемещение сырья в географическом пространстве:

«...этот самый хлопок в Узбекистане растет. Целые поля им там засеяны. Вырастает на этом хлопке вата. Ее отправляют сюда целыми вагонами и перерабатывают в ситец... Простая у меня рубашка, а из дальних стран приехала» (Смирнов 1927: 7).

«<...> взяла новые калоши <...> — а знаешь откуда они? <...> Из Южной Америки. Каучуковые-то деревья там растут. Из сока этих деревьев калоши и делают. ...каучук сюда отправляют на пароходах. <...> мои калоши — из-за океана» (Там же: 10).

Путешествие может быть и символическим и подразумевать «путь» сырья на фабрике, перемещение между технологическими этапами:

«Много верст пробежал ситец по фабрике с этажа на этаж, из машины в машину, прежде чем к нам в кооператив попал» (Дейнеко, Трошин 1929: 17).

«Караваны верблюдов по желтым пескам и барки по рекам подвозят кипы хлопка к железной дороге. За тысячи верст на север, на фабрики увозят хлопок поезда. Длинный путь из машины в машину пройдет хлопок, прежде чем он станет ситцем» (Там же: 2).

С путешествием связан и мотив географической всеохватности, герои книги «Что из чего» обнаруживают, что одежда едет к ним «со всего света»:

«Выходит, значит, чтоб нам, ребятам, одеться — весь свет должен работать... <...> Негры каучук с деревьев собирают, другие за раковинами ныряют. Крестьяне лен в поле дергают, охотники на охоту

ходят. В Узбекистане узбеки хлопок разводят. И все это на пароходах и в поездах везут, на фабриках перерабатывают, потом кроют, шьют и продают...» (Смирнов 1927: 12).

Здесь научно-рационалистское представление об экономической географии сплетается с мифологическим размещением «себя» в центре мира. Магический модус интериоризирован, и в текстах, описывающих традиционную культуру, обычно есть персонализированный получатель, ради которого затевается весь производственный процесс, для которого «растет рубашка»:

«Видела Таня, как отец ее горстями разбрасывал по полю маленькие блестящие зерна, и спрашивает: — Что ты, тятя, делаешь? — А вот сею ленок, дочка. Вырастет рубашка тебе и Васютке» (Ушинский 1930: 3).

Уродися, белый лен, белый лен,
На рубашки родной матушке,
На холсты да на полотнища,
Да папашке на портяночки.
(Андреев, Фогт 1929: 2)

Технологический модус, напротив, ориентирован экстериорно — ткани создаются «по всей земле для всех», и когда в городской, индустриальной среде они покидают фабрику, им еще только предстоит найти своего обладателя:

«...на всей земле миллионы рабочих заняты тем, чтобы из хлопковых волосков — ваты готовить пряжу, а из пряжи разные ткани, материи, чтобы одевать человечество» (Келлер 1927: 29).

«Но всему есть конец, даже бесконечному путешествию и страданию бумажного волокна. <...> ему оставалось лишь перекочевать в отделение, где кусок мерили и складывали, и бедный кусок ситца на некоторое время успокаивался в упаковочном отделении. Теперь он вступал в новую жизнь, в которой должен был мыкаться по городам и у покупателей» (Орловец 1924: 26).

Последняя цитата подводит нас к еще одной метафоре путешествия — жизненному пути. Страдания, сопутствующие перерождению сырья, должны заканчиваться переходом в новую жизнь — в виде одежды.

Жизнеописание

Биографизация предмета — один из продуктивных приемов для описания производственного процесса, впрочем, «биография» не обязательно должна быть полной — акцент, как правило, сделан на «рождении» предмета из сырья.

В книге «Советским фабрикам — советский хлопок» (Рогожин 1931) использована своего рода «биографическая рамка» из заголовков, текст же представляет собой описание в технологическом модусе. Это как раз пример того, как модусы сосуществуют в одном тексте.

Все начинается с рождения:

«РОДИНА ХЛОПЧАТНИКА. Хлопчатник — это дитя солнца. Родина его — жаркие тропические страны. Старейшими районами хлопковой культуры являются Азия и Африка, а более новыми — Центральная и Южная Америка» (Там же: 2).

Затем «новорожденному» хлопку нужно определить место для жизни:

«ЗА ДОБАВОЧНУЮ ЖИЛПЛОЩАДЬ. В старых районах пригодные под хлопчатник орошаемые земли использованы почти полностью. Есть места, где под хлопчатник уже занимается до 60–80% всей пригодной для посева площади. <...> Совсем другое дело в новых районах. Хлопчатник здесь во всех местах <...> дает хорошие результаты без искусственного орошения» (Там же: 3–4).

И наконец — описание нашего героя:

«ЕГО ПОРТРЕТ. Хлопчатник принадлежит к семейству мальвовых и составляет особый род — госсипиум. Куст хлопчатника при поливе достигает в высоту 1 метра и более, а в новых районах без полива — от 40 до 80 сантиметров. В начале роста стебель хлопчатника бывает нежный, зеленого цвета. Развиваясь, стебель становится прочным, деревенеет и получает коричневую окраску» (Там же: 10).

Не менее примечательна репрезентация технологии через описание этапов «профессиональной жизни» сырья, так в книге «Завод изобретатель» (Михайлов 1932) каучук «проживает» детство, школу, проходит университет и начинает работать:

«У каучука сложная, интересная жизнь, полная приключений. И только часть этой жизни проходит у нас на глазах. Каучук — наш только с той минуты, когда его выгружают в торговом порту с английских пароходов. Но до этого он тоже жил. Где-то он рос. Какие-то люди его собирали и обрабатывали <...>. У нас на „Красном треугольнике“ он проходит только высшую школу, вуз, после чего он сразу приступает к своей ответственной работе. Но рождение каучука, детство и первоначальная его школа от нас отрезаны. <...> под тропиками Америки, Азии и Африки рождается каучук, там протекает его детство» (Там же: 123).

Частью большого жизнеописательного топоса можно считать и устойчивую формулу «произрастания» одежды, в которой весь технологический процесс, описанный в тексте, замещается эксплицитной

или имплицитной магической метафорой «естественного», «природного» происхождения:

«Так из хлопкового семени вырастает рубашка» (Шатилов 1929: 10).

«Твоя кофточка в поле росла, а мои штаны по полю бегали» (Смирнов 1927: 3).

«Стал сок дерева черной красивой галошей» (Дейнеко, Трошин 1930: 22).

Лен, хлопок, конопля, гевея трансформируются, преобразуются на каждой стадии переработки, но не утрачивают своей сути, своего предназначения, они уже изначально — рубашка, кофточка, штанишки. Научно-популярные тексты в том или ином виде предлагают «предметную» оптику: смотреть на сырье и видеть готовый продукт. Впрочем, это работает и в обратную сторону — смотреть на ткань и помнить, что она и есть растение:

У конопли все ребята толкутся,
ждаут не дождутся —
где же рубашки, штанишки,
кнуты да кнутишки.
(Новиков 1926: 12)

Просто не верится,
Как посконь мягко стелется!
А когда-то под солнцем кудрявилась,
А потом кастрикой корявилась... (Там же: 22)

Особо можно отметить намеренную акцентуацию разнородности сырья и изделия, при помощи которой достигается эффект остранения, позволяющий увидеть за привычными вещами их историю, их жизнь. Именно так работает цитата из книги «Твое утро» (Ивич 1957), вынесенная в эпиграф. «Одежда из елки, одежда из картошки» — такое описание не может не интриговать читателя, скрывая в загадочной магической форме технологическое содержание — метонимическое уравнивание целлюлозы и елки, крахмала и картошки.

На визуальном уровне «растительная преемственность» подчеркивается, например, изображениями коробочки хлопка на фоне ткани с флоральным рисунком — условного «ситца в цветочек» (ил. 5, 6, 7, 8), который из этого хлопка получился. Растения становятся тканью, на которой снова изображены растения — сюжет жизнеописания закольцовывается.

Перерождение: страдания и новая жизнь

Литературный топос страданий и перерождения в новом облике является, пожалуй, самым глубоко укорененным в фольклорно-мифологических источниках. В рамках этого топоса технологические этапы производства ткани интерпретируются как страдания: растительное сырье разбивают, теребят, молотят, вымачивают, мнут, треплют, чешут, скручивают, пропаривают. За этими процессами стоят их фольклорные прототипы — ритуальное битье, умерщвление, похороны и оплакивание.

В стихотворный текст Н. Дмитриевой и К. Лугиной «Лен» интегрированы фрагменты подлинной обрядовой песни (см.: Гусарова 2000):

Молотила, молотила я ленок,
молотила, приговаривала,
да валечком приколачивала:
ты удайся, удайся, мой лен!
<...>
Я стелила, стелила ленок,
Я стелила, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
Ты удайся, удайся, мой лен!
(Дмитриева, Лугина 1928: 7)

Другие тексты, вероятно, лишь подражают фольклорным образцам и содержательно, и формально:

Ты тони, моя рубашечка, на дно!
Как же я тебя ждала давно, давно!
Как горюю я да вечером не сплю:
Потопили в речке коноплю!
<...>
Ты рубашечка, рубашечка моя,
Не увижу тебя, верно, больше я...
Как несшитую рубашечку купать,
Да неношеную вздумали стирать!
(Новиков 1926: 15)

В прозаических текстах, уже не несущих столь выраженных фольклорных реминисценций, можно встретить мотивы ритуального оплакивания — героиня жалеет лен, страдает ему:

«Когда лен просох, у него обмолотили головки, а потом обмолоченный лен потопили в речке и наложили сверху камней, чтобы он не всплыл. С грустью смотрела Таня, как ее рубашку топят» (Ушинский 1930: 7).

«Потом колотили трепалом на дворе, так что от бедного льна летела кострика во все стороны» (Там же: 9).

Антропологи оперируют термином «кеденциальный код» или «код битья» для описания обрядов, в которых причиняемые растениям страдания призваны усилить их вегетативную силу (см.: Самойлова 2017): снопы «хоронят», картошку «пугают», лук «топчут или ломают». Имитативные обряды умерщвления и похорон (см.: Еремина 1991: 121–136) также интерпретируются как продуцирующие магические действия, придающие растению витальность и способствующие урожайности.

Можно предположить, что ритуальные смыслы характерны для описания ручного труда в традиционной культуре, но в некоторых случаях они переносятся и в тексты технологического модуса. Как уже отмечалось, технологический и магический модусы демонстрируют размытые границы, переплетаются и накладываются.

Так в книге «Степан-химик» (Орловец 1924), где описывается работа ткацкого комбината, кеденциальный код применяется и к машинному производству ситца — он страдает и претерпевает, даже будучи лишенным контекста традиционной культуры. «Зачин» этого текста имеет выраженный характер магического модуса:

«И как он только такие мученья выдержал! <...>

— Да ты про кого? Кто мученья-то выдерживает? <...>

— <...> Да, ведь, я про ситец. <...> Несу его домой и думаю: как это он не рассыпается в прах после всего того, что с ним продельывают. Ведь, пока свет он увидел, так сколько его по машинам треплют. Один миткаль через двадцать машин пройдет, пока в продажу поступит. А до этого еще сколько» (Там же: 3–4).

«Из волк-машины хлопок переходил в чесальную (кардную) машину. Но перед чесальной машиной хлопок проходил еще через ватную машину... — Прежде чем он до прядильной дойдет, из него всю шкуру выбьют! — говорили рабочие про хлопок. И, действительно, в кардной машине хлопок подвергался порядочной пытке» (Там же: 12).

«Какие мытарства приходится испытать хлопку, прежде нежели он превратится хотя бы в кусок ситца» (Там же: 17).

Слова «мытарства», «мучения», «пытка» приносятся в эти тексты и хринологические коннотации: после тяжелых страданий «тела» сырье обретает новую жизнь в виде полезной вещи.

Среди культурологических концепций, релевантных нашему материалу, нельзя не упомянуть модель К. Леви-Стросса «сырое — приготовленное» (Леви-Стросс 1999). В терминах этой модели переработка сырья кодифицируется как трансформации природного в культурное, освоение и присвоение ресурсов, превращение их в артефакты. Наиболее яркой иллюстрацией к этому тезису служат цитаты из книги «Завод изобретатель» (Михайлов 1932), где авторы также пользуются кулинарной метафорой для объяснения технологии работы с каучуком:

«Калошницы склеили калошу. Калоша как будто готова. Но с такой калошей недалеко уйдешь. Это сырая калоша. Калоши, которые мы надеваем, — печеные калоши. „Непеченая“ калоша так же негодна к употреблению, как непеченая булка. Как печь пироги, мы знаем. Способ печения резины был найден около ста лет тому назад. <...> „Печение“ резины на техническом языке называется вулканизацией» (Там же: 16–17).

«С вальцов каучуковое тесто попадает на каландры. Вальцы можно сравнить с руками, которыми хозяйка месит тесто, каландры — со скалкой, которой она его раскатывает» (Там же: 11).

Получается, что магический модус не прерогатива традиционной культуры, ритуальный смысл не утрачивается в индустриальной культуре, магическими свойствами наделяются и машины, хотя в этих же текстах с точки зрения технологий объясняются и их устройство, и химические процессы, происходящие на разных этапах обработки сырья:

«...веретена быстро завертелись, скрученную нитку на себя намотали. Так делают деревенские пряжи, когда прядут пряжу. Руками вытягивают, скручивают они нитку и наматывают на веретена. Чудо-машина сама все это делает за сотни прях» (Дейнеко, Трошин 1929: 7).

«Что происходит с каучуком, когда смешанный с серой он греется в печи? По-настоящему до сих пор этого никто не знает. Известно только, что выходит он оттуда превращенным» (Михайлов 1932: 18).

Для предполагаемых читателей этих книг, находящихся в пограничном состоянии перехода от традиционной культуры к индустриальной, технологические новшества представляются магией (Chunikhin 2021; Rudova 2021). Рационалистский дискурс не заменяет собой дискурс мифологический, а наследует ему. Фабрики, лаборатории, станки — это лишь «новая магия», которая, как и прежде, творится руками человека.

Источники

Андреев, Фогт 1929 — Андреев М., Фогт Н. Лен. [Л.]: Радуга, 1929.

- Дейнеко, Трошин 1929* — Дейнеко О. К., Трошин Н. Как хлопок ситцем стал. [М.]: Гос. изд-во, 1929.
- Дейнеко, Трошин 1930* — Дейнеко О. К., Трошин Н. От каучука до га-лоши. [М.]: Огиз — Молодая гвардия, 1930.
- Дмитриева, Лугина 1928* — Дмитриева Н. В., Лугина К. Лен. [М.]: Гос. изд-во, 1928.
- Ивич 1957* — Ивич А. Твое утро: Одежда; Завтрак; Что стояло на сто-ле. М.: Детгиз, 1957.
- Ильин, Эвенбах 1926* — Ильин М., Эвенбах Е. К. Ситец. Л.: Гос. изд., 1926.
- Келлер 1927* — Келлер Б. А. Под солнцем пустыни (Там где родится вата). [М.]: Новая Москва, 1927.
- Левина 1931* — Левина В. С. Как делаются ткани. М.; Л.: Огиз — Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931.
- Манохин 1931* — Манохин А. П. Лен. Смоленск; М.: Огиз — Зап. обл. отд-ние, 1931.
- Михайлов 1932* — Михайлов Д. Завод изобретатель. М.; Л.: Мол. гвар-дия, 1932.
- Модестова 1927* — Модестова Т. А. Экскурсия по ткацкой фабрике. М.; Л.: Молодая гвардия, 1927.
- Новиков 1926* — Новиков И. А. Конопель-конопелька: Стихи. М.; Л.: Гос. изд., 1926.
- Орловец 1924* — Орловец П. Степан химик (История куска ситца). М.: Г. Ф. Мириманов, 1924.
- Рогожин 1931* — Рогожин Н. П. Советским фабрикам — советский хло-пок. [М.]: Мол. гвардия — Огиз, 1931.
- Скосырев 1930* — Скосырев П. Г. Совхоз Байрам-Али (Хлопковая пя-тилетка). М.; Л.: Молодая гвардия, 1930.
- Смирнов 1927* — Смирнов Н. Г. Что из чего. [М.]: Зиф, [1927].
- Ушинский 1930* — Ушинский К. Д. Как рубашка в поле выросла. [М.]: Гос. изд-во, 1930.
- Шатилов 1929* — Шатилов Б. А. Хлопок. М.: Г. Ф. Мириманов, 1929.

Литература

- Гусарова 2000* — Гусарова Т. В. Лен мой зеленой... // Открытый текст. 2000. opentextnn.ru/museum/nn/aetnolog/folk/?id=2130 (по состоянию на 08.02.2026).
- Еремина 1991* — Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, 1991.
- Леви-Стросс 1999* — Леви-Стросс К. Мифологии. Т. 1: Сырое и при-готовленное. М.; СПб.: Университетская книга, 1999.

Самойлова 2017 — Самойлова Е. В. Коды кормления и битья (запугивания) в системе аграрных практик: феномен параллелизма и взаимозамещения // Вестник антропологии. 2017. № 1 (37). С. 95–111.

Старцев 1933 — Старцев И. И. Детская литература. Библиография. 1918–1931. М.: Молодая гвардия, 1933.

Chunikhin 2021 — Chunikhin K. Spells of Materialist Magic, or Soviet Children and Electric Power // The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children / Ed. by M. Balina, S. Oushakine. University of Toronto Press, 2021. P. 265–298.

Rudova 2021 — Rudova L. From Nature to «Second Nature» and Back // The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children / Ed. by M. Balina, S. Oushakine. University of Toronto Press, 2021. P. 209–236.